

РОССИЙСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВА ТРЕЗВОСТИ В ТУРКЕСТАНЕ

Е.Е. Озмитель – докторант

Рассматриваются проблемы, связанные с распространением пьянства в Туркестане в 1850–1917 гг., а также все мероприятия Российской православной церкви, направленные на противодействие этому пороку.

Ключевые слова: распространение пьянства; Туркестан; Российская православная церковь.

В середине XIX в. Туркестанскому краю как части Российской империи были свойственны одинаковые с внутренними губерниями проблемы. Но не в одинаковой степени. Общая для всей России социальная болезнь – чрезмерное

употребление спиртных напитков – здесь приобретала особые масштабы. “Всюду в городах и селах края распространено было в чрезвычайной степени эпидемическое в наши дни зло – пьянство: в Туркестане пили и пьют все: и мужчины,

и женщины, и старые, и молодые. Даже дети 10–12 лет усердно подражают в винопитии старшим” [1: 21]. Самые первые наблюдатели жизни русских обитателей среднеазиатской колонии отмечали эту характерную особенность в своих отчетах и воспоминаниях.

П.П. Семенов-Тянь-Шанский, путешествуя по только что заселенному Семиречью в 50-х гг. XIX в., с удивлением констатировал, что алкоголизм здесь – частое явление повседневного быта военных и казаков, явление настолько обыденное, что с ним нельзя бороться обыкновенными дисциплинарными мерами, а надо либо приравниваться, либо прибегать к экстраординарным средствам. Об одном из высших офицерских чинов Копальского уезда П.П. Семенов вспоминал: “он устроил мне восхождение на Семиреченский Алатау до вечных снегов этого гребня, но сам не решился сопроводить меня, боясь обнаружить предо мной свою единственную слабость, без которой он был бы идеальным начальником столь интересного края. [...] слабость эта – та самая, которой страдало в то время огромное большинство самых талантливых деятелей наших захолустных окраин, была алкоголизм, в силу которого (этот начальник. – Е.О.) после каждого обеда находился в состоянии полной невменяемости” [2: 78]. О другом офицере, артиллерийском капитане из Верного, Семенов-Тянь-Шанский пишет, что тот “был очень симпатичным и талантливым человеком, к сожалению, не чуждым общего порока лучших людей нашей юной колонии – алкоголизма” [2: 120].

В этом же походе Семенов-Тянь-Шанский столкнулся с крайними проявлениями пьянства среди казаков. Добравшись в сопровождении “шести отборных казаков” до одной из вершин гребня, он решил измерить высоту горы. “Я принялся за свой аппарат, но как ни старался зажечь спирт, налитый из имевшейся на руках казаков бутылки, он не горел, потому что, как оказалось, был наполовину выпит одним из сопровождавших меня казаков и разбавлен водой”. Это не был частный случай. Как пишет П.П. Семенов, он в последующих экспедициях пользовался способом натуралиста Г.С. Карелина, первого русского путешественника, проникшего в северную часть Семиречья в 1840 г. Карелин “отравлял в присутствии казаков весь свой запас спирта, необходимого для научных целей, самым сильным ядом и давал этот спирт в присутствии казаков собаке, которая тотчас же околевала, [...] только этим способом он мог отучить казаков от хищения ими спирта” [2: 180].

Первый туркестанский архиерей владыка Софония в своем первом отчете в Синод в 1872 г. писал о пьянстве как об общем свойстве, отличительной черте всех туркестанских сословий. По мнению владыки, пьянство – это то, что составляет специфический колорит туркестанского общества. “В первой и высшей половине христианского населения в обеих областях, – пишет епископ Софония о тогда еще разделенных Туркестане и Семиречье, – очень заметно особенное стремление к забавам и увеселениям, состоящим в безмерном и учащенном кутеже, которому предается наплывное чиновное молодчество, и который, быстро переходя в открытое пьянство, заливающее и ум, и совесть, и честь, и благородство, нередко оканчивается страшным сумасшествием и сумасбродством. Эти сумасбродные выходки в среде Православия, так богопротивно влияющие на среду туземную, до того здесь нередки, что в одном Верном при мне уже было едва ли не до 10 самоубийств. Таково зло пьянственного разгула. Оно со всеми его ужасными последствиями [...] обнимает [...] и простую массу христианства, здесь водворившегося, и, составляя такое отличие здешней страны, общее всем слоям Туркестанского народонаселения, [...] по преимуществу принадлежит Семиреченскому казачеству” [3: 25об.]. В этом же отчете приведен красноречивый пример: в Лепсинской станице было 22 кабака; около них ежедневно поднимали трупы [3: 25об.].

В отрывках, процитированных выше, примечателен пафос этнографа, фиксирующего экзотический обычай туземцев. Очевидно, что с такими случаями известному путешественнику, объездившему Россию и многие другие страны, встречаться не приходилось. Точно так же архиепископ Софония перечисляет факты чрезмерного употребления спиртных напитков как диковинные, потому что не встречался с подобным в местах своего прежнего служения.

В чем же отличие (в отношении пьянства) Туркестана от внутренних губерний? Здесь сошлись как минимум три важных фактора, усиливающих масштабы этого бедствия: временной, пространственный и человеческий.

В 60-е гг. XIX в., во время заселения Туркестана, в пореформенной России начинается расти пьянство – собственно тогда оно и появляется, и осознается как социальное зло. Недаром именно в это время русский народ забил тревогу, пытаясь остановить эту общественную болезнь – по всей Руси развернулось широкое

трезвенническое движение, чаще всего вдохновляемое сельскими священниками. Среди переселенцев могло оказаться большее, чем их осталось на месте, число крестьян, не умеющих устроиться в усложнившихся условиях, ищущих легких хлебов, менее связанных традиционным общинным укладом, склонных к праздному времяпровождению. Среди таких, как правило, больше оказывалось и склонных к винопитию. Исколесив Россию, Сибирь, привыкнув среди чужих людей к независимой жизни, переселенцы и на новое место жительства приносили облегченные нравственные понятия. Пользуясь современными метафорами, можно сказать, что как у высших слоев общества, командированных в Туркестан, так и у низших, переселившихся сюда в поисках лучшей жизни, вырабатывался комплекс отпускника или туриста. Тем более, что урожайная, теплая, в целом бесконфликтная Средняя Азия позволяла быстро наладить при небольших усилиях приличное хозяйство. Казаки вообще предпочитали здесь сдавать земли в аренду, крестьяне нанимали батраков и оказывались на положении чуть ли не помещиков. Также и военные чины, и гражданские чиновники, по словам современника, “суть народ пришлый, собирающиеся с разных концов необъятной России [...], а в далеких окраинах распущенность жизни русского, по преимуществу кочевого, бессемейного населения, доходит почти всегда до крайних пределов” [1: 16]. Ни казаки, ни крестьяне, ни военные в давно уже мирных городах и укреплениях не имели почти никаких культурных учреждений. Не умея осмысленно проводить значительный по времени досуг, они заполняли его пьянством и увеселениями.

Особенно увеличилось употребление алкоголя в годы первой русской революции, когда и так уже ослабленные в Туркестане традиционные социальные и нравственные скрепы расшатывались социалистической пропагандой. Анализируя события этого времени, М. Андреев-Березовский, корреспондент “Туркестанского епархиального вестника” (далее – ТЕВ), пишет, что все, что ни случалось на селе, сопровождалось пьянством. “Происходили судбища опять для той же цели – выпить; идет дележ воды – выпить, дележ покоса – пьянство, сдача кабака, наем сидельца, прием новосела и пр. – все кончалось пьянством. В месяц в селе из 200–250 дворов пропивалось до 5–6 тысяч. Ни читален, ни библиотек, ни чтений – никто почти ничего не устраивал, и жизнь шла для чрева, для угождения низменным животным инстинктам, – пе-

речисляет автор и далее делает важное для нас наблюдение. – Ничего неделание, сытая жизнь, южное солнце, полная свобода молодежи внесли в жизнь села и разврат. От тех пуританских понятий, которые еще держатся в русских селах, не осталось и следа” [4: 96].

Следует упомянуть еще об одной особенности проблемы с пьянством в Средней Азии. Невоздержанная жизнь и распущенное поведение русского меньшинства на фоне абсолютной трезвости мусульманского большинства очень бросались в глаза, принижая авторитет российской власти, создавая превратное представление о русских обычаях и русской культуре. “Русское переселение в крае, представляя иногда наиболее неустойчивый элемент у себя на родине, является в край, где живет трезвое, умеренное и трудолюбивое население...” [5: 31]. Для Церкви важным было и то, что нетрезвые православные граждане не могли способствовать миссионерской деятельности, дискредитируя в глазах язычников и мусульман не только русскую, но и христианскую идею. Так в Туркестане пьянство превращалось в зло политическое и идеологическое.

Осознавая необходимость борьбы с пьянством, власти Туркестанского края предпринимали некоторые меры. Действенной и последовательной была позиция генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана. Руководствуясь тактическими соображениями, вспоминает Н.Н. Остроумов, “во время Хивинского похода командующий войсками генерал Кауфман категорически запретил выдачу водки войскам даже в праздник Пасхи, отпразднованной 8 апреля 1873 г. [...], не уступил, даже когда просили некоторые начальники частей и даже приказал опечатать водку у маркитантов на первые три дня праздника” [6: 18]. Из соображений стратегических Кауфман старался “ввести в туркестанских войсках в употребление чай вместо водки, так как водка в таком жарком климате особенно вредна, а чай – напиток безобидный и полезный” [6: 18]. В воспитательных целях этот полномочный начальник Туркестанского края “вычеркнул виноторговцев и водочников из списка лиц, представленных к награде за устройство выставки” в Ташкенте [6: 57].

Участие других начальников разного уровня в распространении трезвости в Туркестане ограничивалось, в основном, проектами. И.В. Волков упоминает о попытках некоторых администраторов заселять край сектантами, которые полностью воздерживались от спиртных

напитков по религиозным соображениям. Так, туркестанский генерал-губернатор П.И. Мищенко, допустивший запрещенное к тому времени для всех сектантов поселение молокан на станции Джери, в объяснительной записке писал, что “с поселением молокан мы приобретаем для края группу честных русских людей, отличающихся трезвостью, трудолюбием и подчиняющихся властям” [7: 25]. Этот же аргумент – трезвость и трудолюбие – выставлялся при ходатайствах о переселении в край раскольников и баптистов. Во время длительного обсуждения в 1910 г. вопроса о возможности заселения Туркестана неправославными, краевой администрацией распространялась анкета, в которой среди прочего был такой пункт: “сравнительная трезвость поведения православных и сектантов, относительная их нравственность” [7: 29]. Ответ в пользу сектантов был заложен в самом вопросе. Подобные проекты и попытки укрепить трезвость и нравственность переселенцев в Туркестане за счет христиан разных неправославных исповеданий вплоть до второй русской революции приостанавливались верховной властью Российской Империи, которая рассматривала ослабление религиозного ценза как угрозу русскому делу на окраине государства [7: 24–25].

Среди других проектов туркестанской администрации следует назвать попытки ограничения торговли спиртным на территории Средней Азии. “К чисто внешним мерам обеспечения благосостояния в крае необходимо присоединить и принятие мер к охране его от губительного пьянства [...]. Меры совершенно запретительные в отношении торговли крепкими напитками вне городских поселений [...], чтобы водка хранилась в посуде больших размеров, не менее четверти ведра, не производить раздробительную продажу вина” [5: 31]. На деле некоторые ограничения в торговле спиртным действовали sporadически. Например, в 90-х гг. в селах по Сыр-Дарьинской линии была запрещена продажа спирта, а в Семиречье – нет [5: 31].

Дореволюционная пресса и архивные документы тех лет убеждают нас, что только Российская православная церковь помогала народному трезвенническому движению в Средней Азии. Пьянство расценивалось туркестанскими архиереями и наиболее деятельными священниками не только как нравственное, социальное и политическое зло, но и как зло антихристианское, антицерковное. Во многих высказываниях духовенства о пьянстве в народе и в высших слоях подчеркивалась эта взаимозависимость:

рост потребления спиртных напитков, нетрезвая жизнь – оставление веры, неуважение к духовенству. К таким выводам их подводили не столько богословские идеи, сколько конкретные наблюдения над жизнью своей паствы.

Священник Евстафий Малаховский, жалующийся в 1908 г. на прихожан, отказавшихся от своего обязательства выдавать дополнительный доход причту села Ивановского, ищет этому объяснение. Он приходит к выводу, что сельский сход, который должен решать подобные дела, стал больше похож на разгульную пьяную толпу. «Дело решает сход, – пишет священник в епархиальную газету, – а что представляют из себя теперешние сельские сходы, от которых зависит назначение общественного жалования!? Степенные старики на них давно не ходят, и когда я обратился к церковному совету, состоявшему главным образом из стариков, с просьбою оказать свое влияние на сходе, то мне ответили, что там считают: “не по годам, а по ребрам”. Деревней завладевает бесшабашная, обнаглевшая крестьянская молодежь и пропившиеся и продавшие свою совесть люди, а покупают эту совесть кулаки-мироеды и всякий, кто не побрезгует...» [8: 576]. И как результат: “вот уже 1½ года как причт не получает от общества ни копейки, а приход состоит всего из 100 дворов [т. е., на пожертвования прихожан церковь содержаться не может. – Е.О.]. Подобная же участь постигла и учителя, которому также отказано было в пособии в количестве 5 руб., но зато тем же самым обществом было прибавлено по 25 коп. на ведро водки и увеличено жалование сидельцу кабака” [8: 576].

Чрезмерное употребление спиртных напитков некоторыми казаками приводило к равнодушному отношению к храму и даже к высшему духовенству. Объезжая епархию в 1907 г., епископ Димитрий (Абашидзе), девятый туркестанский архиерей, посетил станицу Коксуйскую, неподалеку от Луговой. Здесь, в отличие от других приходов, ему почти не уделили того внимания, которое полагается при приеме правящего архиерея. Вот как описывает впечатление от этого приема сопровождавший владыку о. А. Шабашев: «Станица Коксуйская населена казаками семиречьями. Постройки жителей, за весьма немногими исключениями, производят впечатление заброшенных жилищ: избы облупились от побелки, ворота покосились, окна замазаны тряпками и бумажками. Подумаешь, что изба совершенно необитаема; глядь, вылезает из нее заспанный здоровенный казачина, почесы-

вая затылок! Церковь в станице новенькая, но не оштукатуренная, и погост вокруг нее, обгороженный жердочками, не засажен деревьями. Только с северной стороны есть деревья, оставшиеся от сада прежней церкви. Священника и псаломщика не оказалось дома: они выехали в выселок Попутный, навстречу владыке, и я долго не мог добиться, где назначена квартира для владыки. Церковный староста Захаров твердил: “где угодно [...]”, но определенного ничего не говорил. Довольно долго мне пришлось по-пустому толковать с Захаровым. Наконец вошел в церковь местный учитель г. Шмидт, [...] видя, что человек прилично одет и, главное, трезв [это уточнение объясняет нам причину неуспешности предыдущих переговоров – Е.О.], я обратился к нему за содействием [...]. К 4-м часам пополудни владыка прибыл в станицу Коксуйскую. Народ с атаманом во главе [...] встретил владыку у школы. Поднесли хлеб-соль [...]. Через полчаса начали звонить к всенощному бдению. Звонили довольно долго, но народ собирался как-то вяло. Приехал в храм владыка; началось всенощное бдение, а храм, небольшой по своим размерам, был наполовину пуст [...]. В конце утрени хор, под управлением местного псаломщика Якушева, запел “Благочестивейшего, Самодержавнейшего...”; народ зашевелился и начал выходить, пришлось выйти из алтаря и остановить. [...] владыка обратился к молящимся со словами назидания и обличения и просил всех придти завтра в храм и привести с собою своих родственников и детей. Выйдя из храма, уже в темноте, еще остановился в церковной ограде и долго говорил с народом о вреде пьянства, призывая казаков быть верными и полезными слугами веры, Царя и Отечества. Народ молча слушал, наконец, начали благодарить владыку за назидание: тронулись, все-таки, видно, сердца их» [9: 350–351].

Одним из главных способов противодействия духовенства пьянству своей паствы была церковная проповедь. В архиерейских отчетах о состоянии Туркестанской епархии мы находим множество примеров действенности этой меры, особенно в том случае, если о вреде пьянства говорит архиерей. Владыка Софония писал: “Переселенцы, поселившиеся в Любновом выселке, в память моего служения в их храме [...] составили приговор не иметь во всем выселке ни явно, ни тайно, в продолжении года ни одного питейного дома” [3: 24об.]. Несомненно, что казаки, желающие “отблагодарить” своего правящего архиерея, дают коллективный обет воздержания,

вдохновленные его призывом или пристыженные его обличением. Здесь очевидна иницирующая роль церкви в борьбе с пьянством.

Для того, чтобы призывы к трезвому образу жизни оказались ненеприступными, духовенство само должно было избегать пьянства. Вообще не чуждый этому сословию, так же, как и другим сословиям, порок пьянства в Туркестане, судя по содержанию судебных дел консистории, жалобам прихожан и благочинных, был редкостью. В архивных документах и воспоминаниях встречаются факты нетрезвого образа жизни низших членов клира, главным образом, военных церквей: псаломщиков, церковников. Это неудивительно, ведь последние набирались из солдат, бывших до службы причетниками и отданными в армию за пьянство [1: 18–19; 3: 14]. Даже корреспонденты ТЕВ, которые нередко критиковали туркестанских священников, перечисляя множество недостатков, сгущая краски, тем не менее, не упоминают о пьянстве как о недуге, свойственном туркестанскому духовенству. К примеру, в одной из статей ТЭВ в этом контексте упоминаются: случайность подбора членов причта из разных сословий, споры и интриги между ними, недостаточная образованность духовенства, разобщенность с паствой, незнание местных условий жизни, желание менять приходы, но пьянство, как характерная черта, не указывается [10: 369–370].

Вновь приезжающие священники, по мнению туркестанских архиереев, также должны были отличаться трезвым образом жизни. В своем “Воззвании к молодым священникам” владыка Димитрий, призывающий на службу духовенство из внутренних губерний, писал: “Нужны Туркестану образованные, трезвые, полные сил молодые пастыри [...], трезвые – потому, что среди новоселов крайне необходимо не только словом, но и, главное, живым примером насаждать отвращение к пьянству, так губительно действующему не только на душу, но и на материальное благосостояние человека вообще, а новосела тем паче” [11: 206–207]. Сам владыка Димитрий старался служить именно таким примером. «Я изгнал из своего домашнего употребления, – писал он по поводу открытия общества трезвости, – всякий хмельной напиток, обещая самому не пить, и другим не предлагать. К этому призываю и всех своих сопастырей, дерзновенно говоря им словами Святого Апостола: “подражатели мне бывайте”. Я же, недостойный, Духом Святым поставленный епископом вашим, объявляю себя братчиком всех настоящих и будущих

братств-обществ трезвости во вверенной мне Богом епархии и обещаю способствовать процветанию этих обществ» [12: 77]. Столь сильное движение для человека, родом из страны с древней винодельческой культурой, было вызвано острой необходимостью.

Кроме проповедей и личного примера от православного духовенства русский народ ждал еще и административных мер или влияния на администрацию, ходатайства о закрытии кабаков и других питейных заведений. На имя владыки Димитрия от членов Пишпекского церковно-приходского общества трезвости поступило прошение следующего содержания: «пьянство усиливается, [...] горькие плоды, приносимые пьянством, усугубляются и вместе с этим растет виноторговля и число кабаков увеличивается [...] Пьянство происходит и в праздничные дни, чтимые св. церковью, и во время богослужения в дни священные, а в последнее время нередко стали еще происходить и кровопролития [...]. Живущие вокруг нас иноверцы, видя наши мерзкие дела – бесчинство и безобразие, совершаемые пьяными христианами на улицах в праздничные дни, порицают нашу веру. [...] обратиться к Вашему Преосвященству с покорнейшей просьбой о воспрещении продажи крепких напитков в праздничные и воскресные дни. [...] в лице нашего председателя о. Александра Никольского, умоляем: войти с ходатайством по принадлежности о прикрытии в г. Пишпеке всех питейных виноторговых заведений, хотя на праздничные и воскресные дни» [13: 132]. На эту просьбу владыка отвечал: «приму все зависящие и доступные меры...» [13: 132], но мы не смогли выяснить, был ли положительный результат этого ходатайства. Как правило, власти из экономических соображений не закрывали питейных заведений.

Исключения, конечно, были: столь же последовательно непримиримую позицию по отношению к пьянству, как К.П. фон Кауфман, занимал Г.А. Колпаковский. Как пишет прот. Путинцев, «в борьбе с пьянством в народе много способствовал владыке (Софонии – *Е.О.*) тогдашний военный губернатор Семиреченской области, сделавший распоряжение, чтобы в тех поселках и деревнях, где еще не построена церковь, ни под каким видом не открывать питейных заведений. [...] поселки и деревни в Туркестанском крае отстоят друг от друга на значительном расстоянии, верст на 80, на 100 и более, так что из них невозможно часто посещать для пьянства те селения, где есть кабаки, а большие запасы водки не каж-

дый может иметь по недостатку на то средств, да и начальство не дозволит этого» [1: 22].

Но чаще всего власти, не только светские, но иногда и церковные, оказывались в оппозиции трезвенническому движению за закрытие питейных заведений. Священник А. Скальский, объявивший в 1900 г. приговор о прекращении торговли спиртным в его приходе, был остановлен своим непосредственным церковным начальством. «По доброму совету своего духовного пастыря, общество крестьян села Узун-Агач постановило с 1901 г. и во все служение о. Скальского не иметь в своем селении ни питейного заведения, ни рейнского погреба, ни водочного склада». Приехавший благочинный то ли опасаясь чего-то, то ли уже получив взыскание, «за такое начинание разнес его “во вся тяжкие”... за вмешательство не в свое дело, за подрыв государственного благосостояния» [14: 430].

В 1907 г. крестьяне села Грозного составили приговор о закрытии в этом селении винных лавок. «Священник о. Михаил Сольский... вошел с ходатайством к Городекову, военному губернатору Сыр-Дарьинской области, о закрытии винных лавок в названном селении» [14: 429]. Городеков выразил им сочувствие, подарил Библию, но сразу предпринимать ничего не стал, объяснив, что торговцы уже получили патент на год и закрывать их заведения нельзя, пообещал рассмотреть возможность закрытия виноторговли в будущем году.

Кроме административных, у церкви было множество других способов участия в трезвенническом движении. Среди них – сугубо церковные (проповеди, крестные ходы, молебны, обеты, епитимии, поощрения); нравственные (личный пример духовенства); политические (выступления в Думе, образование партий – борьба с пьянством была одной из задач православного Союза русского народа), социально-просветительские (организация обществ, библиотек, чайных, лекций, распространение брошюр и публикация материалов о вреде пьянства в епархиальной прессе, благотворительность). Самым действенным средством оказывались православные трезвеннические общества-братства, которые позволяли сочетать все перечисленные виды деятельности.

Братства, появившиеся в XVI в., – это особая форма церковных благотворительно-просветительских обществ, можно сказать, специфически славянская и почти исключительно православная. Возрождение братского движения

началось в сер. XIX в. благодаря священникам, и было напрямую связано с реформами и социальными преобразованиями. С целью регламентации церковной благотворительности, Александр II принял законодательство о церковных братствах и церковно-приходских попечительствах. Возникла даже “мода” на братства – движение это охватило все слои общества. Пример подавали архиереи, члены царской фамилии, крупные чиновники и видные общественные деятели, которые становились председателями или покровителями многих братств. Количество таких церковно-общественных организаций резко возросло в период первой русской революции (как реакция на явно проявившуюся угрозу для Церкви) и в годы Первой мировой войны. Церковные общества трезвости были одним из типов таких братств, всегда выделявших какое-нибудь направление своей деятельности (миссионерское, благотворительное, медицинское и пр.) как преимущественное.

Трезвеннические братства соединили вдохновляемое в XIX в. чаще всего сверху братское движение, которое выработало формы организации систематической церковно-общественной деятельности и стихийное народное трезвенническое движение, нередко возглавляемое приходскими священниками. Примеры участия духовенства Туркестана в крестьянских трезвеннических движениях приводились выше. Несколько слов – о роли Церкви в организации и деятельности туркестанских обществ-братств трезвости.

Наибольший размах братское движение получило при епископе Димитрии. “Господь да поможет нам, – обращался владыка к священникам, – покрыть весь наш Туркестан густой сетью обществ-братств трезвости, не на бумаге лишь существующих, но победоносно действующих в жизнь во славу Божию и на пользу народа православного” [12: 78]. При владыке Димитрии ТЕВ становятся органом обществ трезвости, в каждом номере публикуются отчеты священников, очерки трезвеннической жизни на селе, материалы об истории братств трезвости и о вреде пьянства. Владыка не только пропагандировал трезвенническое движение, но и старался придать ему организованные формы. В 1906 г. он составил и опубликовал примерный устав трезвеннического общества-братства. Вот некоторые выдержки из этого устава, позволяющего составить представление о целях и способах планируемой деятельности:

“Нормальный устав N-ского общества трезвости, учрежденного при такой-то церкви и вве-

ренного святому покровителю [...]. Состоящее под покровом Св... N-ское общество трезвости имеет свою задачу – противодействовать употреблению водки, вина, пива и вообще всякого охмеляющего напитка среди народа [...]. Средствами для достижения этой цели служат: а) добрый пример трезвой жизни членов общества; б) частные и общие беседы о вреде опьяняющих напитков; в) организация общедоступных чтений со световыми картинками и церковным пением; г) бесплатная раздача книг, брошюр религиозно-нравственного содержания; д) (где это представляется возможным) устройство читален, чайных, столовых” [12: 75–78].

Членом такого общества мог стать любой православный человек “обоего пола всякого звания и сословия”, вносящий взносы по 10 коп. ежемесячно или ежегодно по рублю. Бедные могли вступать бесплатно. Желаящий вступить в члены общества трезвости давал обет полного воздержания от употребления спиртных напитков на какой-либо срок или на всю жизнь. Кроме обещания трезвости давались также обеты воздержания от сквернословия, азартных игр, курения табака, опиума, гашиша и т.п.

Обет воздержания произносился в праздничный день в храме в присутствии членов общества и молящихся. Став перед аналоем с Евангелием, Крестом и иконой Св. Покровителя общества, будущий трезвенник повторял вслед за священником:

“...Господи! Я раб Твой (имярек) будучи твердо убежден, что вино служит причиною многих грехов, болезней и бедствий, даю обет [...] не пить в течение (такого-то) срока никаких охмеляющих напитков, твердо сознавая, что нарушением этого обета навлеку на себя кару Божьего гнева” [12: 79–80]. Обет скреплялся целованием святыни. Священник осенял братчика иконой и вручал ее на время данного обета вместе с Евангелием на русском языке и книжкой о вреде пьянства. По желанию учредителей давался значок, общий для всех туркестанских обществ трезвости, но разный по цене, в зависимости от суммы взноса. “Для пожизненных членов – золотой. Для временных – серебряный [...]. Серебряный позолоченный – 15 р. Серебряный без позолоты – 13 р. Металлический позолоченный – 7 р. 50 к. Также без позолоты – 5 р. 50 к.” [15: 510].

Члены общества должны были помогать друг другу соблюдать обещание воздержания от спиртного. Нарушителей обета вразумляли, уговаривали, назначали церковное наказание – епи-

тимию, в крайних случаях – исключали из братства [12: 81].

Личное участие владыки Дмитрия должно было вдохнуть жизнь в непростую работу по созданию братств трезвости. По его инициативе в 1907 г. при Свято-Серафимовской церкви, что на архиерейской летней даче под Верным, было открыто общество трезвости. К мероприятиям этого братства владыка, пользуясь своим авторитетом, привлекал как можно больше священников и прихожан всех окрестных церквей. 18 и 19 июля на годовой праздник Серафимовского общества трезвости им были организованы в первый день крестные ходы по Верному с хоругвями, целованием икон и проповедями, а на следующий день – всеобщий крестный ход к Свято-Серафимовской церкви, находящейся в восьми верстах от Верного. Во время хода, к которому присоединились толпы богомольцев со всего города и окрестных сел, непрестанно служили молебны Св. Серафиму Саровскому. Растянувшись на две версты, шли по аллее через военный лагерь. Вдоль аллеи выстроились солдаты и местные жители из иноверцев, играл военный оркестр, а некоторые казаки и джигиты даже сопровождали крестный ход верхом. “Многие русские из центральных губерний России, привыкшие у себя к таким ходам, впервые могли порадоваться торжеству” вдали от родины [8: 577–578]. В крестном ходе участвовало все областное начальство и верненская интеллигенция.

“Трезвенническим” крестным ходам стали подражать. В декабре 1910 г. трезвенники Пишпекского братства пожелали перенести икону Св. Дмитрия из Пишпека в Токмак крестным ходом с молебными пениями перед ней. Владыка Дмитрий дал свое благословение, и этот нелегкий крестный ход (шестьдесят километров пешком с несением икон и тяжелых хоругвей) состоялся [16: 250].

С 1907 г. “Отдел о трезвости” в ТЕВ регулярно помещает отчеты священников о том, как осуществлялась деятельность обществ трезвости в разных приходах. В качестве примера можно привести несколько заметок такого рода. Священник Иоанн Витавский пишет: “10 декабря в селе Луговое Копальского уезда организовано общество трезвости. С ноября шла разъяснительная работа, в школу собралось человек 100–150. 10 декабря в храме Св. Архангела Михаила дали обет воздержания 57 человек обою пола: 8 человек на всю жизнь, 2 человека на 5 лет, 3 – на 2 года, 37 – на год, 7 – на полгода.

Избран комитет, собрали 6 р. 30 коп., которые послали в СПб на книжный склад для высылки брошюр о вреде пьянства. В обществе – 73 человека, выписывают журналы” [17: 24–25]. Священник Иоанн Фивейский в небольшой заметке “Добрый пример” сообщает: «Новый год дмитриевцы встретили по-новому. Надо сказать, что в Дмитриевке начал входить в моду обычай встречать Новый год пирушками и со стаканом вина в руках. Чтобы не дать негодному обычаю стать привычкой, я решил встретить Новый год в церкви, как это делают уже во многих городах и весях благочестивой России [...]. С вечера накануне Нового года отслужили вечерню и повечерие. В 11 1/2 ч ночи зазвонили к всенощной, которую начали ровно в 12 ч ночи. Церковь не могла вместить всех молящихся, часть их стояла в ограде под открытым небом. После молебна было сказано прихожанам краткое поучение на тему: “В чем истинное счастье” [...]. Прихожане были очень довольны и благодарили за нововведение» [18: 172–173].

Михаил Колобов делился своим опытом в художественной форме. В очерке “Новый год у трезвенников” он пишет о том, как общество трезвости – 100 человек мужчин и женщин – встречало Новый год. Стояли в храме с белыми полотенцами через плечо, после службы выслушали проповедь “трезвенника-священника” о преимуществах трезвой жизни. Потом – гуляли без хмельных напитков, а вечером все опять собрались в храме для народного пения молитв [19: 6–10]. Такие заметки в епархиальной прессе должны были пробудить у всех священников желание организовать братство трезвости в своем приходе. С оставлением владыкой Дмитрием Туркестанской кафедры таких публикаций становится все меньше.

Сколько образовалось в Туркестане обществ трезвости нам, к сожалению, пока установить не удалось. По Киргизии есть известия о четырех: в Пишпекке, Пржевальске, Дмитриевке (Талас) и Токмаке. Скорее всего, все они были недолговременными. Перед революцией духовенство Туркестана стало больше интересоваться социал-демократическими вопросами, проблемами обновления церковной жизни – борьба с пьянством отошла на задний план. Да и в начале братского движения она во многом держалась на энтузиазме владыки Дмитрия. Не все даже верненские, т.е. близкие к епископу, священники были готовы к долгой планомерной повседневной работе. На собрании по поводу годовщины верненского общества трезвости священник М. Долиндовский

сетовал: “Приступая к осуществлению этого великого и доброго дела трезвенники-учредители часто поговаривали о хороших предприятиях, но прошел первый бескорыстный порыв и в комитете нашем все засыпать стало, многие позабыли уже о существовании общества трезвости [...] Пробудитесь же, борцы трезвости!” [20: 602]. В этом же году корреспондент ТЕВ, рассказав, как один крестьянин проделал большой путь, чтобы найти трезвенника-священника, согласного принять обет воздержания от пьянства, и упрекает духовенство: “А наших некоторых туркестанских пастырей столкнуть с места к почину отрезвления народа ничем не можешь! Хоть бы устыдились своих овец, ищущих трезвости не у своего пастыря, а за 150 верст! Эх, отцы, отцы!!!” [21: 162].

Отцы, наверное, в чем-то были виноваты, но трудно было надеяться, что дело, зависящее от усилий одного человека, сможет долго продержаться. “Бескорыстный порыв” священников мог угасать по разным причинам, и среди них главными представляются перегруженность духовенства, кроме богослужебных, разными другими обязанностями, и отсутствие помощников. Священник, использующий свой авторитет и помощь благодати церковных таинств, несомненно, успешнее, чем кто-либо иной, мог возбудить у православного народа тягу к трезвой жизни. Но одного вдохновения было мало. Как писал председатель общества трезвости села Ивановское священник Евстафий Малаховский, “многие трезвенники еще нетвердо установившиеся и, как дети, нуждаются в няньке... К тому же им приходится бороться с веками установившимися обычаями: претерпевать иногда незаслуженные насмешки и оскорбления... Под влиянием чего [...] случаются падения” [22: 673]. Для того, чтобы прочно утвердить среди русских жителей Туркестана трезвый образ жизни, у священников должны были быть деятельные профессиональные сотрудники: православные врачи, лекторы и другие специалисты. А во многих городах и во всех почти селах Туркестана священник оказывался единственным образованным человеком. “Громадная просторностью Туркестанская епархия количеством своих культурных обитателей готова уступить даже большинству епархий далекой и суровой Сибири, – справедливо писал корреспондент ТЕВ. – Почти единственные культурные работники – священники, разобщенные громадными пространствами и лишенные возможности живого и личного обмена мыслей” [23: 41]. Толь-

ко единицы, подвижники, могли успевать среди прочих обязанностей постоянно заниматься организацией деятельности приходского общества трезвости. В большинстве случаев, как это видно из материалов епархиальной прессы и архивных документов, дело ограничивалось разовыми мероприятиями.

Сейчас трудно оценить результаты усилий православного духовенства по утверждению трезвости. Ясно одно, что без этой, единственной в Туркестане деятельности, пьянство распространялось бы еще больше, не встречая никаких преград.

Литература

1. *Путинцев М.*, прот. Вот каков наш Туркестанский юг: в комнате сидим в шубах!: Воспоминания об архиепископе Софонии // Восток издавна: Духовное и литературно-историческое издание. – Вып. XII. – Ташкент, 2006.
2. *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Путешествия в Тянь-Шань в 1856–1857 годах. Мемуары. – М., 1946. – Т. 2.
3. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 502.
4. Туркестанский епархиальный вестник. – 1906. – №7.
5. Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернаторства о положении Туркестанского края в 1909 году. – Ташкент, 1910.
6. *Остроумов Н.* Константин Петрович фон-Кауфман – устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877–1881). – Ташкент, 1899.
7. *Волков И.В.* Религиозные аспекты переселенческой политики царизма в Туркестанском крае: 1867–1917. – Бишкек, 2007.
8. Туркестанский епархиальный вестник. – 1908. – №17.
9. Туркестанский епархиальный вестник. – 1907. – №12–13.
10. Туркестанский епархиальный вестник. – 1908. – №14.
11. Архиепископ Димитрий в схиме Антоний (Абашидзе). Жизнеописание. Слова, воззвания, письма. – М., 2006.
12. Туркестанский епархиальный вестник. – 1906. – №6.
13. Туркестанский епархиальный вестник. – 1907. – №7.
14. Туркестанский епархиальный вестник. – 1907. – №16.
15. Туркестанский епархиальный вестник. – 1908. – №15.

Е.Е. Озмитель. Российская православная церковь и общества трезвости в Туркестане

16.	ЦГА КР. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1.						
17.	Туркестанский епархиальный вестник.	–		20.	Туркестанский епархиальный вестник.	–	
	1907. – №4.				1908. – №18.		
18.	Туркестанский епархиальный вестник.	–		21.	Туркестанский епархиальный вестник.	–	
	1908. – №12.				1908. – №5.		
19.	Туркестанский епархиальный вестник.	–		22.	Туркестанский епархиальный вестник.	–	
	1908. – №1.				1908. – №21.		
				23.	Туркестанский епархиальный вестник.	–	
					1908. – №2.		